

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

В ноябре этого года исполнилось 80 лет со дня рождения выдающегося российского медика, академика РАН, основателя трансплантологии в нашей стране Василия Ивановича Шумакова. Достаточно вспомнить, что ему принадлежит слава первой в СССР успешной операции по пересадке сердца. Он также первым выполнил пересадку печени и поджелудочной железы и двухэтапную пересадку сердца. Более 33 лет, до самой своей кончины в январе 2008 года, он возглавлял созданный в СССР НИИ трансплантологии и искусственных органов, ныне переименованный в “Федеральный научный центр трансплантологии и искусственных органов имени академика В. И. Шумакова”. Заслуги этого замечательного учёного многогранны и обширны, но нам интересен он и как человек, как личность, воплощающая в себе национальный характер русского народа. Об этом, во многом, идёт речь на страницах воспоминаний Юлии Михайловны Зарецкой, врача-иммунолога, члена-корреспондента Академии естественных наук РФ, которой привелось на протяжении многих лет работать вместе с Василием Ивановичем Шумаковым.

ЮЛИЯ ЗАРЕЦКАЯ

РУССКИЙ САМОРОДОК

Когда от нас уходит масштабная личность, то создается, как правило, некий благостный образ, во всём настолько положительный, что уже и не отличишь, где живой человек, а где “икона”. Однако у меня в памяти сохранился свой образ близкого мне человека. Я не принадлежала к числу безоговорочных почитателей Василия Ивановича Шумакова. Моё отношение к нему менялось за годы его более чем тридцатилетнего руководства в институте трансплантологии и искусственных органов: бывало, я вела с ним диспуты, но всегда признавала его высокий профессионализм, безусловность свершений во благо народа. Как истинно русскому самородку, ему были присущи недостатки, но его достоинства подняли его на такую высоту, которой не достиг ни один из коллег-медиков, живших с ним в одно время.

На рубеже конца 60-х – начала 70-х годов прошлого века за рубежом, а потом и в нашей стране появилась новая медицинская дисциплина – **клиническая** пересадка органов и тканей. Я не случайно делаю акцент на слове “клиническая”, потому что в экспериментах на животных большинство вопросов, связанных с пересадкой органов, разработал наш отечественный учёный Владимир Петрович Демихов ещё в начале 50-х годов. Воспитанник советского вуза, защищавший страну в годы Отечественной войны, Владимир Петрович, несмотря на “закрытость”, как нам твердят, того времени, был широко известен за рубежом своими хирургическими экспериментами по пересадке “жизненно важных органов” животным. Как случается часто с талантливыми

людьми, в отечестве он был признан лишь посмертно после того, как за рубежом его назвали основоположником современной трансплантологии.

Первым органом, который пересадили человеку, была почка. В нашей стране первые клинические, то есть от человека человеку, пересадки были осуществлены в 1965 году академиком Борисом Васильевичем Петровским, выдающимся российским хирургом. К 1969 году стало очевидным, что трансплантация формируется как признанное научное направление, и необходим центр, который её возглавит. Так появился в 1969 году новый институт, названный Институтом трансплантации органов и тканей (ИТОиТ) при Академии медицинских наук СССР (АМН СССР). Первым директором ИТОиТ был назначен молодой член-корреспондент АМН, профессор Глеб Михайлович Соловьёв, ученик Б. В. Петровского.

Трансплантология – дисциплина комплексная; её на равных основаниях составляют хирургия и иммунология – иммуногенетика, которая завоёвывала место в трансплантации с трудом, однако к середине прошлого века стало очевидным, что отторжение пересаженных органов обусловлено причинами не хирургического свойства, а **несовместимостью тканей**. Решить эту проблему призваны иммунологи. Поэтому первый директор ИТОиТ Соловьёв организовал лабораторию трансплантационной иммунологии. Заведовать ею пригласили меня.

...Моя первая встреча с Валерием Ивановичем Шумаковым относится к декабрю 1970 года. ИТОиТ тогда проводил Всесоюзную конференцию в г. Горьком (ныне Нижний Новгород). У меня был программный доклад о задачах трансплантационной иммунологии, и это было моё первое вхождение в мир хирургов-клиницистов. Хирурги в то время чувствовали себя элитой медицины, к тому же хорошо “прикрытой”, поскольку министром здравоохранения СССР был знаменитый хирург Б. В. Петровский. “Вхождение” в трансплантацию иммунологов было встречено ими с насмешливой снисходительностью: “Что нам еще расскажут эти “умники”, которые и крови-то настоящей не видали!” Их весёлое внимание привлекла дискуссия, возникшая между мной и весьма авторитетным иммунологом Валентином Ивановичем Говалло. Последнее слово осталось за мной, что вызвало интерес к моей персоне, связанный не столько с профессиональными знаниями, сколько с ситуацией “палец в рот не клади”. На традиционном банкете, который в те времена сопровождал каждый научный форум, ко мне было проявлено повышенное внимание: подходили знакомиться, договаривались о сотрудничестве и, конечно, приглашали на танец. В какой-то момент к нашему столику подошёл крепко сбитый, круглоловый, с чётко обозначенной лысиной молодой человек и, слегка толкнув животом моего очередного кавалера, пригласил меня на фокстрот. До сих пор помню ощущение – танцую с упругим мячиком. Несмотря на полноту и явную “нестройность”, он двигался легко и пружинисто. Глядя мне в глаза, он насмешливо и грубовато сказал: “Хорошо Валентина отделала!” Вернувшись на место, я спросила своего кавалера, кто был мой очередной партнёр по танцу.

– Это Валера Шумаков из института Петровского, известный... – и не закончил фразу, а в голосе прозвучала явная неприязнь; по-видимому, мой собеседник имел не одно столкновение с “Валерой”.

Кем же он был тогда, сорок лет назад? Валерий Иванович Шумаков – коренной москвич, родился в интеллигентной семье: отец – инженер, мать занималась домашним хозяйством, что в начале 30-х было для городской женщины обычным делом. Семья была общительной, гостеприимной и хлебосольной. В Отечественную войну отец ушёл на фронт, а десятилетний Валерий с матерью оставался в Москве. Учился будущий академик средне, но своё призвание понял рано. В пятнадцать лет при школьном знакомстве с анатомией и физиологией человека увлёкся медицинскими вопросами и решил учиться на врача-хирурга. На экзаменах в 1-й Московский медицинский институт (ныне Московская медицинская академия им. Сеченова) едва не сорвался, получив низкий балл за сочинение, но всё-таки поступил и в дальнейшем весьма преуспевал по профильным предметам. Эту особенность – отсекай то, что является “лишним” для профессии, Валерий Иванович сохранил на всю жизнь, иначе он не достиг бы таких высот, до которых поднялся в дальнейшей.

В 1956 году В. И. Шумаков закончил институт, получив диплом с отличием, и сдал экзамены в аспирантуру при кафедре анатомии и оперативной хи-

рургии, руководимой Владимиром Васильевичем Ковановым. Почему “анатомия”, когда мечтой жизни была хирургия? Уже тогда в молодом человеке проявилась главная черта характера: суммировать и накапливать всё то, что позволит с блеском владеть основной специальностью. Хорошее знание анатомии позволило ему в дальнейшем разработать свои оперативные подходы, создать авторские варианты трансплантации сердца, почки, печени, поджелудочной железы. Познакомился он и с уникальными операциями на животных, которые проводил в том же здании В. П. Демихов. Именно с помощью Демихова Валерий Иванович овладел азами новой науки. В 1959 году двадцативосьмилетний Шумаков защитил кандидатскую диссертацию, а вскоре, всего через 7 лет – он уже доктор медицинских наук. Обе диссертации – по кардиохирургии, и с этих пор больное сердце, требующее хирургической коррекции, становится основной заботой и “любовью” Валерия Ивановича Шумакова.

Дальше ему крупно повезло: его пригласили на работу в клинику кардиохирургии, руководимую академиком Б. В. Петровским, где только начались операции на открытом сердце с использованием искусственного кровообращения. Представьте, раскрытая грудная клетка, остановленное сердце в руках хирурга, а для дыхания и кровообращения – конструкция в виде насоса-поршня, обеспечивающая временно утраченные функции... Манипуляции на сердце почти сакральные, хирург священнодействует! Немногие владели этой техникой. Шумакову было чему поучиться в клинике Б. В. Петровского. Как молодого перспективного кардиохирурга его направили в 1961 г. на стажировку в США. Пока это была стажировка по проблеме “открытого сердца” (аппараты искусственного кровообращения, модели искусственных сердечных клапанов). До первой в мире трансплантации сердца, выполненной Кристианом Барнардом, оставалось 6 лет, а до первой удачной – в нашей стране, выполненной уже самим Шумаковым, – 26 лет! По возвращении из зарубежной командировки он был утверждён старшим научным сотрудником во Всесоюзном НИИ клинической и экспериментальной медицины, которым руководил его учитель Б. В. Петровский. К тому времени относится его докторская диссертация “Протезирование клапанов сердца”, с которой В. И. Шумаков фактически встал у истоков нового направления – “искусственные органы”. Вскоре он был назначен шефом “экспериментальной лаборатории искусственного сердца и вспомогательного кровообращения”. В лаборатории, расположенной на территории 1-й Градской больницы, искали технические решения полной замены сердца, то есть создания искусственного сердца. Вот в эти времена я и познакомилась с Валерием Ивановичем на памятном “корпоративном вечере”.

Между тем, в ИТОиТ готовились перемены, о которых мы, сотрудники института, не подозревали. Все случилось в августе 1974 года: наш директор Г. М. Соловьёв подал заявление министру о сложении полномочий “по собственному желанию”, новым руководителем был назначен профессор В. И. Шумаков. Назначение для нас, сотрудников института, было довольно неожиданным; естественно, мы на своем уровне строили догадки и, наконец, решили, что министр меняет одного любимого ученика на другого.

Итак, жаркий августовский день 1974 года. Ко мне в кабинет ворвалась сотрудница биохимической лаборатории и, сообщив о новом назначении, передала слова нового шефа: “иммунология – это колёса!”, что на медицинском жаргоне того времени означало “запудривание мозгов”, “пустопорожняя болтовня”. С апломбом руководителя одного из составляющих трансплантацию направлений я ответила: “Этого не может быть, ведь он же грамотный человек!” Однако вскоре я убедилась, что первые высказывания В. И. Шумакова об иммунологической составляющей трансплантации были вполне искренними. Как воспитанник отличной хирургической школы академика Б. В. Петровского, он верил только в то, что можно видеть своими глазами, потрогать своими руками и изменить теми же руками. А всякие теории, которые порой нельзя подтвердить, “всякие эволюции клетки”, тем более какие-то антигены лейкоцитов, существование которых подтверждается лишь непрямыми методами – это всё от лукавого!.. Не будем забывать, что всё это было в середине 70-х годов прошлого века, и многие клиницисты были “дремучими” в отношении позиций неинфекционной иммунологии.

Вместе с тем, поразительное чутьё и безусловная грамотность, почерпнутая в Первом Меде и на стажировке в Америке, где трансплантационная иммунология развивалась наравне с трансплантационной хирургией, заставили-та-

ки В. И. Шумакова если не жаловать моё направление, то и не зажимать его. Он прекрасно понимал, что на международных конференциях будут звучать вопросы о степени несовместимости между донором и реципиентом (её к тому времени научились оценивать, процедура называется “типирование”). Если в своём отечестве можно было не отмечать в докладах эти моменты, то на международных форумах могут и засмеять. Вот в таком “хрупком нейтралитете” иммунологи и просуществовали при новом начальстве несколько лет.

На первых порах коллективу предстояло познакомиться и приспособиться к новому стилю руководства. А стиль этот был необычным и весьма колоритным! Когда первый визит директора состоялся, то знакомство с шестью лабораториями заняло всего 20–25 минут. Бегло осмотрев помещения и аппаратуру, патрон перекинулся с руководителями-мужчинами несколькими фразами, с руководителями-женщинами вообще не разговаривал. Тогда ошеломленные, мы впоследствии привыкли к стилю руководства Валерия Ивановича, который слагался из нескольких моментов, а именно:

- не давать “указивок” тем руководителям подразделений, которые в своей узкой области разбираются лучше, чем он; не вмешиваться в направления, которые нормально развиваются и справляются с задачами;

- он предпочитал немногословный стиль; “лапидарное” общение, любимыми присказками его были: “вопрос-ответ”, “да-нет”, “упал-отжался”;

- в “лапидарности” был великий смысл – ни один разговор по делу не занимал у Шумакова более 10 минут, в его приёмной никогда не было очереди; он был всегда доступен (это великое благо я оценила впоследствии, когда работала в другом учреждении, где приходилось часами высидживать в приёмной, чтобы решить любой деловой вопрос с директором).

Чтобы закончить разговор о стиле руководства В. И. Шумакова, скажу то, в чём я убедилась впоследствии: у него трудно было добиться согласия на какое-то расширение прав (площадей, ставок, фондов), но если он сказал “да”, то обещанное будет исполнено. Слово держать он умел!

Одним из первых дел Шумакова после прихода в ИТОиТ было утверждение концепции тематики. Шумаков понимал, что “искусственное сердце” едва ли составит ближайшую славу нового института, тем более что года через два-три это стало ясным и для научного коллектива. Естественно, силы были брошены на кардиохирургию как предтечу кардиотрансплантации. С конца 70-х под руководством В. И. Шумакова начинается штурм трансплантации естественного донорского сердца; к нему вели манипуляции на открытом сердце, которые сейчас вошли в разряд “рутинных”. В институте, переименованном в НИИ трансплантологии и искусственных органов (НИИТиО), были созданы два новых отделения кардиохирургии. Сердечно-сосудистая хирургия во всех её видах становится основным направлением. Этот форсированный “штурм” был, безусловно, оправдан: именно он привёл через несколько лет к успешной трансплантации сердца в нашей стране.

Естественно, мы, сотрудники научных, не клинических подразделений интересовались, как же оперирует новый директор. Ведь нам не приходилось бывать в операционных. Оказалось, что В. И. Шумаков рабочий день начинается рано, еще до девятичасовой клинической конференции, примерно полчаса проводит за составлением плана операции, которую предстоит выполнять. В 9 часов – “пятиминутка” – конференция, где заведующие отделениями докладывают, что случилось за день-ночь. Далее директор облачается в любимую форму – голубая хирургическая рубашка, голубые брюки – всё большое, свободное! – и направляется в операционную. Операция для Шумакова – священнодействие; он это дело любит, считает самым главным в медицине и в своей судьбе. Оперирует каждый день! Всё время совершенствуется.

В первые годы директорства В. И. Шумакова на его долю выпал гигантский труд по созданию нового современного комплекса зданий института трансплантации. Нужно сказать, что институт к моменту прихода нового директора располагался на трёх базах, одна из которых (лабораторно-экспериментальная) располагалась вообще в другом районе Москвы. Решение о выделении земли под строительство нового комплекса зданий “пробил” академик Б. В. Петровский, бывший тогда не только министром здравоохранения, но и членом ЦК КПСС. И было это в 1975 году. Однако здание строилось восемь долгих лет.

Весь коллектив, включая докторов наук и профессоров, принимал учас-

тие в возведении своего “рабочего места” вначале на стадии проектирования, затем в фазе нулевого цикла и, наконец, в охране здания, когда в него завозили оборудование. Однако строительство продвигалось медленно. В те годы в стране выполнялась приоритетная программа возведения социального жилья, и основные фонды строительных материалов направлялись именно туда. Шумаков завершил строительство в 1982 году. Теперь институт стоит на Пехотной улице, радуя глаз москвичей и напоминая о его создателе и первом хозяине. Ему присвоено имя Шумакова.

Нужно заметить, что в те годы (70–80-е) в Москве было возведено несколько первоклассных медицинских центров: Всесоюзный центр хирургии (ныне имени акад. Б. В. Петровского), Всесоюзный кардиологический центр (генеральный директор – акад. Е. И. Чазов), Институт хирургии им. А. В. Вишневского; наш был в их числе и не хуже. Четыре сравнительно невысоких кубической формы здания, соединенных между собой внутренними переходами; как новшество конструкции – изолированный от основного массива зданий операционный блок с реанимацией, что снижает вероятность инфекций; последнее обстоятельство особенно важно для больных с подавленным иммунитетом, которые составляют основной контингент пациентов НИИТиО. Не буду утомлять читателя описанием сложных приборов, скажу только, что и тогда, и по сей день институт имени В. И. Шумакова располагает всем арсеналом приборного обеспечения больных соответствующего профиля.

С этого времени НИИТиО становится центром трансплантологии Союза. Он формирует “идеологию” новой отрасли медицины. В соответствии с указаниями В. И. Шумакова и по методическим разработкам НИИТиО работают все учреждения соответствующего профиля. В 70-е годы были открыты в клинических учреждениях отделения по пересадке органов. Они были в Ленинграде, Минске, Киеве, Риге, Вильнюсе, Ростове-на-Дону, Кемерове (сейчас большинство из них именуется центрами), не говоря уже о том, что пересадка почки и (позднее) долей печени “шла” в двух-трех медицинских учреждениях Москвы. В основном в этих отделениях работали молодые врачи, которым хотелось приобщиться к новой науке. Возможность обучения за рубежом для большинства была весьма ограниченной. Вполне естественно, что они обращались в институт Шумакова за помощью и советом, а иногда просто обучались какое-то время в НИИТиО, который был головным. Поэтому в руках В. И. Шумакова сосредоточивались все нити отечественной трансплантологии, которые увязывались в единую систему. В каждом из отделений и лабораторий НИИТиО в течение года стажировалось от трех до восьми прикрепленных из других городов и республик. Они овладевали новыми методами, участвовали в лабораторных конференциях, присутствовали на операциях и на внутренних рабочих совещаниях, посещали учёные советы по защите диссертаций. Одним словом, это была со стороны НИИТиО большая педагогическая работа с молодыми кадрами; она выполнялась абсолютно безвозмездно; никому в голову не приходило брать деньги с молодых коллег, приезжавших у нас поучиться основам науки и медицинской практики. Вообще говоря, **система “головных институтов” по тем или иным проблемам, существовавшая во всей советской науке, была очень полезна: коллегам было у кого поучиться, министерству было с кого спросить!**

И советская наука в любой отрасли развивалась поступательно от этапа к этапу; каждое десятилетие приносило успех, поднимало уровень знаний о предмете со ступеньки на ступеньку. Когда же после “перестройки” и введения в науку “рыночных отношений” отменили централизованное планирование и отчётность, научная братия перестала общаться между собой; стала уклоняться от передачи методов, боясь конкуренции, подчас не зная (до публикации), что делается в соседней республике и даже в соседнем городе. Научная проблема как единое целое перестала существовать. Ну и где же успех, какие достижения имеем мы теперь в этой “послеперестроечной” российской науке?..

Конечно, функции головного по проблеме отнимали много времени и бывали довольно часто для сотрудников НИИТиО обременительными. Но иногда они приносили весьма приятные “дивиденды”. Вспоминаю в этой связи конференцию где-то в начале 80-х в Ростове-на-Дону.

Нас пригласил и принимал чудесный человек и высококлассный хирург

П. П. Коваленко. Была организована экскурсия в государственный заповедник, находящийся на островке в плавнях реки Дон. Мы прибыли на пристань в Таганроге, где нас ждал специально зафрахтованный пароходик. Уже на палубе нам предложили “подкрепиться”, для чего следовало спуститься в салон, где был накрыт стол для скромного второго завтрака (по-современному, ланча). Меня как даму пустили по трапу первой и, спускаясь, я буквально съехала с последних ступеней, как с горки, поскольку моему взору открылся “скромный” стол, на котором стояли бадейки с зернистой осетровой икрой, числом четыре штуки и объемом не менее литра каждая! Помимо этого немислимого в наше время богатства стол был уставлен рыбной гастрономией высшего качества, сверкал яркими красками овощного изобилия. Никаких заморских омаров и креветок! Только русская икра, донская рыба и красные вареные раки! Валерий Иванович, оглядев стол, сказал, как всегда кратко:

– Ух, ты постарался! – и прибавил, обращаясь к Петру Петровичу, указывая глазами на средних лет дядьку, радушно приглашавшего нас к столу, где он расставлял тарелки с последними кушаньями: – А это что у тебя за хмырь?

Из ответа Петра Петровича явствовало, что “хмырь” – председатель областного КГБ, которого П. П. Коваленко удачно прооперировал, и теперь тот благодарил нашего хозяина, который, в свою очередь, благодарил представителей головного института. Здесь самое время сказать, что В. И. Шумаков любил “оттянуться” за широким русским застольем, сопровождаемом горячительными напитками и острым, не салонным словом. Кто ж из нас этого не любит?! Весёлых застолий и тогда было много, но они не мешали главному делу. Я принимала участие далеко не во всех, хотя не скрою, не отказывалась...

Как “головной”, НИИТиО был главным распределителем финансов по проблеме трансплантация органов и тканей. Средства поступали из двух источников: по линии Государственного комитета по науке и технике при Совмине СССР (ГКНТ) и по линии Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) для участников из стран социалистического содружества. Желающих участвовать в программе было много, и от В. И. Шумакова требовалось немалое дипломатическое умение сделать так, чтобы “чужих” не обидеть, но и свой институт не обделить. Справлялся он с этим блестяще. Расскажу об одном эпизоде, свидетелем которого я была.

В Ленинграде проводилось совещание иммунологов из стран СЭВ. Валерий Иванович сам выступил в качестве “тяжелой артиллерии”: для НИИТиО надо было “застолбить” определенные преференции, а я опасалась, что одна не справлюсь. Среди моих коллег-иммунологов все, конечно, знали Шумакова, но не все его видели.

Вот он сидит за почетным столом, улыбается, но... ничего не говорит.

Однако один вид его массивной фигуры, спокойного крупного лица с полузакрытыми глазами производил завораживающее впечатление силы, стабильности и уверенности. На следующий день, когда распределялись роли, он незаметно, даже как-то лениво сумел повернуть обсуждение так, что самое интересное досталось НИИТиО. А наши коллеги-соперники с недоумением смотрели друг на друга, задавая роковой вопрос: “А нам что?”. Колоритный облик Шумакова, вовремя сказанное образное словцо (хотя он и не был оратором) железно работало на его личный авторитет и популярность руководимого им института.

...Надо отметить, что В. И. Шумаков был образцовым семьянином. Он не был замечен ни в одном романтическом “забеге налево”; если бы был хоть один – слух об этом распространился бы мгновенно. Жена и дети были его главной жизненной заботой.

Однажды летом, было это, я думаю, в 1981 году, зашёл ко мне в кабинет Валерий Иванович и говорит:

– Я приведу к вам дочку; она закончила школу, речь идёт о поступлении в вуз. Я хочу приобщить её медицине, а она уперлась рогом – ни в какую! Говорит, много крови, не выдержу. Так вы ей расскажите о своем деле: у вас всё чисто, без крови...

Я: “Как без крови? Мы работаем только с кровью!”

Он: “Сравнила! У вас кровь в пробирке, а у меня на операции все руки в крови!”

Это было явное преувеличение: он никогда не допускал массивных кровотечений во время операции. Как я ни старалась расписать свою “чистую” науку, дочь Шумакова не пошла в медицину, а стала искусствоведом, работает в области живописи. Зато сын Дмитрий вполне оправдал чаяния родителей и стал хирургом; сейчас он работает в институте, носящем имя отца.

Следующее мое близкое общение с В. И. Шумаковым состоялось в августе 1986 года. В конце лета того года в Хельсинки состоялся Интернациональный конгресс Общества трансплантологов, и от НИИТИО поехали Валерий Иванович и я. Вся делегация состояла из трёх человек, поскольку к нам присоединился профессор О. С. Белоруссов из ВНЦХ. В Хельсинки мы поселились в недорогой гостинице “Хелка”. У Валерия Ивановича был доклад на пленарном заседании. Перед докладом он заметно волновался и попросил меня “для моральной поддержки” быть рядом. Сидим в конференц-зале в знаменитом Дворце Конгрессов; я тоже в напряжении, поскольку мне еще предстоит сделать сообщение на английском языке. По повестке дня должен быть доклад Валерия Ивановича, но председатель называет какую-то другую фамилию; по-видимому, в ходе заседания произошли изменения, о которых нам не сообщили.

– Может быть, меня пропустят, – тихо говорит Валерий Иванович, – а то я с моим произношением... – и не заканчивает фразу. Нужно сказать, что В. И. Шумаков довольно свободно говорил по-английски (сказалась многомесячная стажировка в США в молодые годы) и отлично понимал английскую речь. Что касается произношения... оно оставляло желать много лучшего. И вдруг, когда мы почти что успокоились, председатель объявляет Шумакова. Зал к тому времени устал, кое-где переговаривались, стоял заметный шумок.

– Ну, была не была, – тихо промолвил Валерий Иванович и пошел к трибуне. Первые фразы его доклада эффекта не произвели, но уже третья – “наш материал включает 55 случаев трансплантации клеток поджелудочной железы” – сопровождалась тишиной, вытянутыми шеями и широко раскрытыми глазами. Как, эти русские обогнали нас?! Может ли это быть? Новый подход и столько случаев?.. А Валерий Иванович разошелся! Без тени смущения он зачитывал данные, изредка взглядывая в удивленно притихший зал. Посыпались вопросы. В. И. Шумаков ответил на пару из них, но председатель прервал дискуссию, сказав, что сверх повестки дня нужно заслушать ещё одно сообщение. Последнего докладчика почти не слушали, обсуждая между собой сенсацию: 55 случаев пересадки!

Когда прозвенел сигнал, означавший окончание заседания, иностранные коллеги, обгоняя друг друга, ринулись к Шумакову. Окруженные толпой жаждущих узнать, мы вышли из зала. Нас повели в ресторан Дворца Конгрессов, и прижимистые иностранцы, заказав кофе, пирожные и напитки, набросились на В. И. Шумакова с вопросами. Он уже не волновался, неподдельное внимание ему льстило, и он в обычной своей лапидарной манере удовлетворял любопытство коллег. Я восхищалась, как ловко, не вполне владея иностранным языком, преодолел свойственную нам, русским людям того времени, застенчивость, Валерий Иванович сумел оказаться в центре внимания многих участников конгресса.

Положение нашей делегации с этого момента резко изменилось. Несколько видных представителей мировой трансплантологии захотели с нами встретиться вне конгресса. На следующее утро был устроен завтрак в небольшом кабинете “Финляндия-Холл” с Феликсом Раппопортом, одним из тех, кто в конце 50-х начинал трансплантологию как новую медицинскую дисциплину. За хорошо сервированным столом собралось человек двенадцать. Разговор происходил на английском языке. Когда затеялась дискуссия о перспективах клеточной трансплантации, я, уловив момент, спросила по-французски Раппопорта, знает ли он профессора Доссе, основателя медицинской иммуногенетики. (Конечно, я знала, что Феликс вместе с Доссе выпустил в свет несколько работ на заре трансплантации.) Только тут Феликс обратил внимание на единственную даму за столом и, стараясь поддержать репутацию человека, знакомого с французской куртуазностью, весь этот день не отходил от меня. Так мы и ходили втроем: Валерий Иванович, Феликс Раппопорт и я. Уже под вечер, беседа с нами, этот большой научный авторитет сказал:

– Когда я вижу перед собой таких русских, как вы, Валерий, и вы, Юлия, я спокоен за судьбу российской науки.

Но мог ли он и кто-либо предвидеть, как разрушатся советская медицина и здравоохранение при соприкосновении с требованиями рыночной экономики! **Ведь наука, и медицина в том числе, не измеряется по шкале “доходности”.** Сколько людей остаются без необходимой помощи из-за нехватки денег. Да простит читатель этот крик души: наболело!

Вечером, когда мы с Валерием Ивановичем направлялись в нашу “Хелку”, он сказал:

– Подошёл ко мне Пекка Хари (устроитель конгресса), трясёт башкой, как конь, и спрашивает, сможем ли мы встретиться завтра с президентом финского общества хирургов, фамилию я не запомнил; он желает познакомиться с выдающимся хирургом Шумаковым. Я тоже ответно покивал башкой, мол, мы согласны. Так завтра будьте готовы к десяти утра, поедем в Свеаборг.

Несколько слов о Свеаборге. Это старая русская крепость, расположенная на острове в нескольких милях от Гельсингфорса (Хельсинки). Там в свое время базировался русский Балтийский флот. Как Кронштадт относится к Петербургу, так и Свеаборг к Гельсингфорсу. Нам, конечно, было интересно посмотреть на былую крепость, вспомнить славную историю российского флота. Между столицей Финляндии и Свеаборгом курсируют каждые полчаса “морские трамвайчики”. Плавание занимает 20–25 минут. Катерок пристал к отполированным скалам пункта назначения, мы сошли на берег. В бывших казематах крепости теперь оборудованы залы ресторана, в одном из которых мы и расположились.

Закончив обед, вышли во двор крепости, и наш любезный гид предложил подняться на крепостные стены, чтобы подышать морским воздухом. Мы поднялись на вал и были обрызганы балтийской волной, которая разбивалась об отвесные скалы, поднимая фонтан пенящихся брызг. Спускаясь вниз обратно во внутренний двор крепости по скользким, отполированным суровыми волнами ступеням, председатель финского общества хирургов, как воспитанный человек, поддерживал меня под локоть. Вдруг мимо нас с вала на огромной скорости скатился Валерий Иванович и сгоряча выругался “по матушке”. Я почувствовала, что мой вежливый “кавалер” вздрогнул и споткнулся. На обратном пути в город я поняла, что профессор, по-видимому, весьма неплохо владел русским языком...

В тот день вечером был банкет в здании городской мэрии. Вот раскрылись двери лифта, и появился наш Шумаков. Все, кто был в это время в холле, уставились на него! И было на что посмотреть. Его массивная медвежья фигура была облачена в безупречный по цвету и прекрасно сшитый ансамбль: рыже-кофейные брюки и кремово-бежевый пиджак, великолепно сочетавшиеся по колориту; соответственно подобранный галстук дополнял впечатление. Наверное, у меня был ошеломленный вид, потому что, подойдя, он с добродушной усмешкой сказал:

– Ну, чего уставилась? Не всё же мне ходить в голубой хирургической робе... Пошли быстрее, опаздывать неудобно.

Летом 1986 года мы и не подозревали, что стоим на пороге великих перемен в судьбе института и самого Валерия Ивановича Шумакова. По-видимому, только он сам, учтя всю обстановку, все обстоятельства – ветер перемен, “перестройки и ускорения”, – рискнул приблизиться к главному жизненному подвигу в своей судьбе – трансплантации донорского сердца. Этот вид хирургического воздействия имеет свою историю как в нашей стране, так и в мировой медицине. Отправной точкой данного направления следует считать ночь со 2-го на 3 декабря 1967 года, когда молодой хирург из ЮАР Кристиан Барнард пересадил донорское сердце больному Луи Ваткански. Сердце “завелось” и функционировало более 2-х недель. Второе сердце, пересаженное тем же Барнардом, функционировало уже несколько месяцев; а в мире тем временем начался настоящий бум: все ведущие кардиохирурги хотели и пробовали трансплантировать сердце. Не обошел бум и нашу страну. Однако у нас в те времена существовал запрет на пересадку непарных органов, особенно сердца. Тем не менее, почти через год, в ноябре 1968 года генерал-полковник медицинской службы Александр Александрович Вишневский в Ленинградской военно-медицинской академии пересадил сердце молодой женщине. Сердце “завелось”, но больная прожила всего 1,5 суток. Александр Александрович подчинялся министру обороны СССР, никого не боялся, запрет проигнорировал, карьерой не поплатился. Через 3 года на пересадку

сердца решился Г. М. Соловьёв. Тоже неудача, но ему она не сошла с рук, он поплатился карьерой. Ещё через 3 года наш крупный кардиохирург В. И. Бураковский осуществил подобную операцию, и опять неудача!

Глухая пора продолжалась более 12 лет; никто из ведущих кардиохирургов не отважился на решительный шаг. В конце декабря 1986 года Шумаков произвёл трансплантацию сердца пациенту-мужчине; однако она не принесла успеха: пациент скончался на пятые сутки от острой почечной недостаточности (ОПН). Однако на следующий год он решился на вторую пересадку. В 1987 году. На этот раз пациенткой была молодая женщина (25 лет) из Сибири, сердце которой было настолько недееспособным, что она с трудом ходила. И судьба наградила Шумакова: операция прошла успешно, пациентка не подвела. Саша Шалькова прожила после трансплантации сердца почти десятилетие, чувствовала себя настолько полноценной, что вышла замуж. Она прожила бы и дольше, если бы соблюдала более строго предписания врачей; забыв о строгом медикаментозном режиме, она стала пропускать обязательный приём лекарств, подавляющих отторжение, и умерла. Но это произойдёт через 10 лет, а тогда, в 1987 году, была победа всесоюзного масштаба, порадовавшая не только исполнителей операции, но и всё население страны.

После этого удачного события операции по трансплантации сердца превратились в регулярные и относительно частые воздействия (могли бы быть более частыми, но нехватка донорских органов снижала темпы). Сам Шумаков произвёл более 100 пересадок сердца, из них 8 – двухэтапных, то есть с участием аппарата “механическое сердце”, к которому пациентов подключали на период, пока им искали донорское сердце. У нас в России В. И. Шумаков был монополистом этого вида лечения. Пациенты его любили: он был заботлив и всегда весел с ними. Если с сотрудниками-медиками он не церемонился и мог так “припечатать” словом, что бедняга потом долго приходил в себя, то с больными он был мягок и ласков. Нередко баловал пациентов, перенёвших вмешательство на сердце, домашними изделиями и кушаньями.

Любитель всяких необычных ситуаций, В. И. Шумаков послал своих пациентов, перенесших трансплантацию сердца, на параолимпийские игры в Париж, откуда они привезли медали и всей командой завалились к своему спасителю: весёлые, общительные, чувствующие вкус к жизни, с которой они едва не расстались. Особое восхищение вызывают молодые люди, спасенные Шумаковым. Их много; мужчины и женщины приезжают в институт, едва передвигая ноги, в состоянии полного отчаяния. А потом... возвращаются в семью, к нормальной жизни, находят любовь, сочетаются браком. Конечно, при всем благополучии их существования, им приходится постоянно “держат в уме” терапию и строгий медикаментозный режим. Но какое это истинно малое неудобство по сравнению с несколькими годами, а иногда десятилетиями жизни, подаренными им хирургом-спасителем! Благодарность этих спасенных безмерна!

С этих операций по трансплантации донорского сердца началось восхождение Валерия Шумакова на вершину российской славы. Девяностые годы ушедшего века были временем признания его несомненных заслуг перед Россией, подготовленные всей предыдущей деятельностью. В 1988 году он был избран действительным членом Академии медицинских наук СССР. В 1990-м – получил самую высокую трудовую награду СССР – звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда. Сам Валерий Иванович вспоминал об этом награждении как о событии, выбивающемся из общего ряда.

Приближалось шестидесятилетие. На его счету тогда было несколько десятков трансплантаций сердца, которые у нас пока никто, кроме В. И. Шумакова, не делал и которые имели широкий резонанс. Однако у него не было высоких правительственных наград, кроме Государственной премии (1971), которую он получил в группе Б. В. Петровского, а тут претензия на Героя!.. Тогдашний президент СССР М. С. Горбачев удивился, но отказать не посмел. Так Валерий Иванович получил самую высокую трудовую награду СССР и был последним, кто её удостоился.

Спустя 3 года (1994) он был избран действительным членом Российской академии наук (РАН). Для любого человека, работающего в науке, избрание в “большую Академию” – это предмет научных чаяний и желаний. Традиционно избрание медика в РАН – задача трудная, поскольку “большая Академия”

создавалась для представителей фундаментальных (теоретических) наук, в то время как медицина всё-таки наука “прикладная”. Во время Отечественной войны в признание особых заслуг советских медиков была учреждена Академия медицинских наук (теперь РАМН). Уже в послевоенное время некоторые выдающихся представители советской медицины стали неуклонно завоевывать места в РАН. Но только самые выдающиеся. Это, конечно, наивысшее признание научных заслуг.

Еще через три года во время празднования 850-летия Москвы (1997) Валерию Ивановичу было пожаловано звание “Почётный гражданин Москвы”. Этим званием он гордился особо, потому что был коренным москвичом. Из медиков он был вторым, кто получил это звание, а первым был основоположник современной хирургии великий Николай Иванович Пирогов. В 1998 году В. И. Шумакову была вручена премия правительства Российской Федерации за внедрение в клиническую практику пересадки сердца; в то время он уже имел ордена новой эпохи – “За заслуги перед Отечеством” II и III степени.

И, наконец, главная награда современной России – орден Святого апостола Андрея Первозванного был вручен академику В. И. Шумакову в 2001 году. Валерий Иванович стал шестым кавалером ордена после его восстановления. В статуте самого престижного российского ордена сказано, что он вручается “...за исключительные заслуги, способствующие процветанию, величию и славе России”. В наше время им награждены всего 14 человек.

Валерий Иванович Шумаков – явление уникальное. Он был гениален в своём деле – сердечной хирургии и трансплантологии; во всём остальном он мог быть каким угодно: добрым и злым, мудрым и несправедливым, озорным, хулиганистым, грубовато-весёлым и мрачно озабоченным. Он был воплощением русского национального характера. Феномен Шумакова до конца не понять, можно только стремиться, если получится, быть на него похожим, и прежде всего в части требовательности к делу, которому служишь.